

Наш телеграм-канал
https://t.me/center_x

Telegram-бот
для обратной связи
https://t.me/center_x_bot

2023 год: проблемы и перспективы

2023 год обещает быть максимально сложным для всего мира, и для России в первую очередь. Общая хаотизация глобальных политических и экономических взаимодействий максимально затрудняет долгосрочное и краткосрочное прогнозирование; даже прорисовка глобальных тенденций макропроцессов представляется маловозможной. В то же время рост международной турбулентности, увеличение социальной энтропии и прочие словосочетания, маскирующие в псевдонаучную форму вполне понятные в своей неотвратимости разрушительные процессы, позволяют с известной долей достоверности обозначить наиболее проблемные для России точки глобальной карты, обещающие вспыхнуть если не сразу в январе 2023-го, то в первом полугодии.

1. Украина. Вопреки постоянно подпитываемым слухам о том, что прямо с началом нового года (а то и до его начала) на фронтах Украины начнутся не менее чем переломные и решающие сражения, ничто не говорит о неизбежности столь скорой интенсификации боевых действий. Командование российских вооружённых сил явно не настроено на поспешные шаги. Для возобновления эффективного наступления на украинские позиции многое ещё не готово.

Упорные разговоры об углублении вовлечённости в военную операцию белорусских войск не имеют под собой оснований. В то же время от Киева вряд ли стоит ожидать рациональных действий: немалое количество украинской политической и армейской элиты искренне уверено, что ВСУ способны вытеснить российские войска со всех территорий, занятых Россией после 24 февраля, причём даже без усиления помощи западных государств. Уверенность эта противоречит уговорам со стороны тех самых западных государств, пытающихся тем или иным путём склонить Киев к переговорам. Однако до тех пор, пока Украиной занимаются США и, особенно, Великобритания, уговоры будут пропадать втуне: Лондон категорически отрицает возможность переговоров до установления очевидного и непоколебимого военного перевеса Украины, для чего, с одной стороны, интенсифицирует накачку Украины вооружением (стараясь компенсировать снижающиеся потоки от других западных держав), а с другой стороны, настраивает Киев на то самое состояние вдохновенной наглости, которое многие внешние наблюдатели принимают за национальную отвагу. Именно это состояние и способно привести к активизации ВСУ как на Запорожском, так и на Харьковском направлении, где под контролем России остаётся небольшая часть территории области. В то же время для такой активизации украинским войскам нужно не меньше месяца: занятие Украиной Херсона не имело отношения к боевым заслугам ВСУ, они вошли в пустой город, вынужденно оставленный российскими войсками. Ничто не свидетельствует о возможности подобной ситуации с другими бывшими украинскими городами – даже с учётом дополнительной

помощи, которую Украина буквально в настоящий момент получает от США. Напротив, на Донбасском направлении российские войска продолжают медленно, но ощутимо выдавливать ВСУ с территорией; до освобождения Артёмовска пока что дело не доходит, но активность российских войск на эффективном донбасском плацдарме мешает украинской стороне планировать очередные стремительные марши. В настоящий момент наиболее вероятный исход гипотетического наступления ВСУ на Запорожском и Харьковском фронтах приведёт к малоприятным для украинской стороны результатам, в том числе и к «котлам». Однако рассчитывать на то, что ВСУ это понимают, не приходится, поэтому и вероятность самого наступления украинских войск остаётся очень высокой, хоть и не в начале года, а ближе к концу зимы. О последствиях подобного наступления говорить сложно: многие данные указывают на то, что даже если бы это наступление было предпринято немедленно, украинские войска столкнулись бы с неприятными неожиданностями, а к концу зимы шансы ВСУ быть разгромленными в результате попыток наступления на юге и на востоке заметно возрастут – если, конечно, не учитывать фактор непредсказуемых закулисных договорённостей, уже не раз в течение СВО ломавший логику сугубо военного развития событий.

2. Иран. Основной, хотя и ситуативный, международный партнёр и союзник России сегодня (Белоруссию недостаточно «международная» в силу наличия Союзного государства, Китай слишком сдержан, а Турция слишком неоднозначна для союзников) находится под особенно пристальным

вниманием США, что само по себе представляет достаточную угрозу. Поскольку Иран взял на себя роль наиболее заметного оружейного поставщика для России в ходе СВО (помимо поставок ударных беспилотников широко обсуждаются поставки ракетного вооружения), уже находясь под масштабными и длительными санкциями Запада, то крайне велика вероятность перехода западных государств (как минимум США и Великобритании) от санкционного к непосредственному воздействию на политику Ирана – то есть к неконвенциональным силовым ударам, начиная от террористических актов и заканчивая прокси-атаками. Для последних по-прежнему с большой вероятностью могут использовать Израиль; впрочем, традиционный враг Ирана сегодня менее охотно, чем в прошлые годы, поддерживает внешнеполитические авантюры западного блока в том, что касается интересов России и Китая. Взаимодействие этих государств с Ираном определённо входит в их непосредственные интересы, поэтому Израиль вряд ли выйдет за пределы регулярных «уколов», которыми обменивается с Ираном ежегодно, «уколов» не столько болезненных, сколько громоголасных по обоюдному сопровождению. К тому же Россия, в ходе СВО утратившая многие дипломатические связи, сохраняет таковые с Израилем во вполне рабочем состоянии, что также стимулирует относительную сдержанность Израиля в поддержке западного давления на Россию. Тем не менее, даже без Израиля у США достаточно военных инструментов в виде различных международных террористических объединений и воинственных этнических групп для нанесения Ирану прямых ударов – и совершенно недостаточно политической воли

для продолжения работы с Ираном в дипломатической плоскости. Поэтому шансы на резкое обострение ситуации в самом Иране и по его границам в первом полугодии 2023 года достаточно велики.

3. Турция. Самый громкий и непредсказуемый из российских партнёров, в половине кейсов международного взаимодействия действующий как несомненный враг России. Сближение с Турцией приносит России не меньше проблем, чем пользы; украинский кейс в этом смысле особенно показателен, достаточно вспомнить роль турецких беспилотников. Прочно оккупировав роль посредника между Россией и странами Запада, Турция Эрдогана демонстрирует все исторически свойственные этой державе качества: настойчивость, напористую бесцеремонность, торговую всеядность и националистическое высокомерие. Персональная склонность Эрдогана к непредсказуемому сочетанию интриганства с агрессивностью привела к заметному росту и без того немалого числа внешних врагов Турции при том, что отношения с формальными партнёрами также остаются максимально противоречивыми: с Россией, несколько раз оказывавшей Эрдогану решающую экономическую поддержку в кризисные периоды, Турция держит отношения в заметном напряжении не только по украинскому, но и по армянскому (карабахскому) кейсу; с союзниками по НАТО Турция конфликтует из-за антиамериканизма Эрдогана и блокировки принятия в альянс Швеции и Финляндии. Учитывая вовлечённость Турции в наиболее конфликтные зоны последнего десятилетия – Ливию, Сирию, Ирак, - а также предстоящие

президентские выборы, страну ждёт очень горячий год как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом смысле. Серия терактов, произошедших в Турции осенью 2022 года и поспешно списанных Эрдоганом на курдов, многими экспертами рассматривается как предупредительный сигнал. Отреагирует ли на этот сигнал Эрдоган, неясно, но вероятность перерастания этого предупреждения в полноценную серию ударов по Турции в первом – предвыборном (президентские выборы назначены на июнь) полугодии 2023 года расценивается как крайне высокая.

4. Прибалтика. Страны Балтии, долгое время не являвшиеся самостоятельными политическими единицами, продолжают ими не являться, с чем явно не желают мириться их политические элиты. Конфликт на Украине с 2014 года расценивался Литвой, Латвией и, в меньшей степени, Эстонией как отличный шанс нарастить региональную значимость; после начала СВО это стало особенно заметным. Сегодня Литва и Латвия идут в авангарде стран ЕС, придерживающихся наиболее последовательной и одновременно вызывающей антироссийской политики, уже даже не маскируемой под сугубо проукраинскую, как в начале конфликта. Безусловно, рассматривать военную самостоятельность прибалтийских государств так же нет оснований, как и любую другую; однако именно это делает их вполне вероятными точками обострения. Сочетание искренней готовности к такому обострению (причём, судя по действиям в 2022 году, любой ценой) местных элит, их близости, приобретающей сателлитный характер, к Польше, которая, в свою очередь, играет роль

главного проводника британских интересов в ЕС, а также нежелания самой Польши быть плацдармом столкновения НАТО с Россией, резко повышает вероятность использования в качестве такового плацдарма как раз прибалтийских государств. О вступлении их в прямое военное столкновение с российскими вооружёнными силами говорить не приходится, однако организация, например, масштабных военных провокаций на границе с Белоруссией вполне может стать одним из самых острых кейсов первой половины 2023 года.

5. Африка: ЦАР и Мали. Африканский континент, всегда представлявший собой место заочных, а нередко и прямых, столкновений интересов западных держав и их конкурентов (России, Китая, Ирана), сегодня привлекает внимание большим количеством горячих точек, среди которых особое место занимают Центральноафриканская республика и Мали. В этих странах наиболее заметно российское присутствие: в ЦАР как минимум с 2016 года, в Мали – с 2021 года. В обоих государствах присутствует столкновение российских интересов с французскими и, шире, с западными в целом. Влияние России в Центральной и Западной Африке открыто расценивается странами ЕС и НАТО как проблема; и если в ЦАР официальный статус присутствия России несколько смягчает накал критики, то власти Мали наняли для выполнения военных задач группу «ЧВК Вагнера», официально с российскими властями

не связанную и находящуюся под санкциями США. Невозможность предъявить претензии напрямую российскому государству, кажется, особенно раздражает западные политические элиты: президент Франции неоднократно буквально жаловался на вытеснение французов из Мали коварными россиянами. Обстановка в Мали остаётся остро напряжённой уже десять лет; вместе с тем окончание 2022 года принесло резкое обострение обстановки и в ЦАР, где на следующий день после вывода последних французских военных произошёл теракт в «Русском доме» - представительстве Россотрудничества. Задействование в обеих африканских странах группы «ЧВК Вагнера», особенно остро раздражающей западные страны своей индифферентностью к привычным для Запада санкционным средствам давления, является достаточным поводом для применения как в ЦАР, так и в Мали инструментов негласного прямого силового воздействия – терактов и спецопераций западных внешних разведок и прокси-сил. Подобные действия вряд ли будут иметь самостоятельное значение; скорее, стоит считать их дополняющими то воздействие, которое будет оказываться в более близких и болезненных для России точках; а, значит, вероятность синхронизации активности в африканских странах с ударами, наносимыми в непосредственной близости от российских границ, максимально велика.